

вительная и неизбежная, всегда очаровательная, и аффектация хладнокровия и действительное хладнокровие, и прелестная насмешка над всякого рода чувствительностью»¹.

Любопытно, во-первых, что в нашей печати исследуемого периода встречается, пожалуй, больше откликов на беллетристику Эренбурга 20-30-х годов, чем на его очерки и эссе, а ведь преимущественно они публиковались в Румынии, и, во-вторых, что пропорционально их больше, чем в советской критике. Так, о романе *Рвач* в одном только „Когунк“ пишут Янош Антал (его разбор романа кажется нам самым удачным из всего, что нам довелось читать по этому поводу), Дьёрдь Санто, Золтан Фабри. Появились специальные рецензии на *В Проточном переулке* и на *Любовь Жанны Ней*, не говоря уже о частых ссылках на эти романы в статьях Иосифеску, Золтана Больяи и других. Особо пристального рассмотрения удостоились эренбургские романы 30-х годов *День второй* и *Не переводя дыхания*². Так же, как советские, румынские критики усматривают в появлении этих двух последних сочинений в т о р о й день творчества писателя, считая их новым достижением на путях расцвета социалистической литературы.

Не будет преувеличением, с нашей точки зрения, утверждать, что румынская критика 20-30-х годов интересна не только потому, что дает представление о реакции на творчество советского писателя его современников в Европе, но и потому, что вносит существенный вклад в создание научно-аналитической эксегезы и творческого пути Эренбурга в целом и его отдельных моментов.

По окончании второй мировой войны Эренбург, страстный голос которого проникал к нам и в годы кровавой бойни, устроенной фашизмом, стал в Румынии одним из самых популярных советских писателей.

Еще в 1944 году бухарестское издательство „Fogum“ выпускает в переводе И. Лудо *День второй*, а несколько месяцев спустя, в начале 1945 года, — *Падение Парижа* в переводе Лучии Косма и Владимира Солодухина. За первые три года после Освобождения румынские читатели получили, помимо разрозненных публикаций стихов и статей автора *Хулио*, шесть отдельных изданий его художественных и публицистических сочинений. Мотивы огромного интереса, небывалого — во всяком случае в истории переводов русских советских писателей — масштаба издания эренбургских произведений в Румынии, на наш взгляд, двоякие. С одной стороны, мы бы сказали, это субъективные причины: Эренбург оказался первым из всемирно известных советских писателей, установившим еще в 1945 году непосредственный, живой контакт с румынской общественностью. С другой стороны, и это, пожалуй, главное, в условиях только что отпылавшего мирового пожара его слово — и об этом свидетельствует признание М. Садовяну, относящееся к 1945 году, — оказалось созвучным заветным устремлениям румынской передовой интел-

¹ Паул Зарифопол, *Un rus în călătorie (Русский в нумешествии)*, „Viața Românească“, nr. 1—3, XXII (1930) стр. 42.

² Появление в течение трех лет пяти рецензий специально на эти книги и еще двух-трех статей, в которых имеются обширные ссылки на них, свидетельствует об огромном интересе к писателю, запечатлевшему в названных романах героические будни советских людей.